

4. Июль 1960 г. Ингушский погром в Джетыгаре.

Богачи Сагадаевы

События 31 июля 1960 года начинались как типичное «целинное» столкновение между местными - постоянными жителями города -

---

¹ См.: там же. Л.1-4.

² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 500. Л. 400.

³ См.: ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1007. Л. 120.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1007. Л. 24.

⁵ См.: ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1007. Л. 59-61.

ингушами и «пришельцами». Однако дальше все пошло по необычному сценарию. Местные жители (не ингуши) не только не дали отпора чужакам, но присоединились к ним, привнеся в конфликт вопиющую жестокость.

Ингушская семья Сагадаевых (фамилия изменена) была традиционной по своему составу - многодетная (14 детей), объединявшая под одной крышей три поколения. Главе семейства, пенсионеру, было 58 лет. Двое сыновей имели «хлебные» профессии зубного техника. Один работал в больнице, другой практиковал на дому. Два других сына были шоферами - работа, которая в провинции всегда считалась источником надежного дохода и «левых» заработков. Достаток, и немалый, в доме был. Семья купила две новых автомашины «Победа» - и одной было бы достаточно, чтобы прослыть на всю жизнь богачами. В доме хранилось много дорогостоящих тканей, большое количество пшеницы и другие нужные и дефицитные в то время вещи, например, 138 листов кровельного железа. Все это в то время нельзя было просто купить, нужно было еще и «достать», «уметь жить», что в народном сознании ассоциируется обычно с хитростью и изворотливостью, а также с некоторой «неподсудной» нечестностью. Одного из братьев подозревали в том, что накануне событий он с помощью нехитрой махинации сумел похитить 2800 кг зерна. В возбуждении уголовного дела было отказано, поскольку подозреваемый был зверски убит во время беспорядков². Сведения о предполагаемом хищении попали даже в обвинительное заключение по делу одного из убийц, как бы оправдывая косвенно его поступок³. Все остальные подозрения не подтвердились⁴.

Семья, судя по всему, жила довольно замкнуто. Сыновья, если верить сообщениям милиции, держали себя как «хозяева жизни», «вели себя по отношению к гражданам вызывающе, были случаи хулиганских проявлений с их стороны»⁵. Подобное агрессивное самоутверждение,

---

¹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп.2. Д.4832. Л. 86.

² См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.53-53 об., 77.

³ См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.97.

⁴ См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.101.

⁵ См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.5.

как мы знаем, было довольно типично для многих конфликтных групп на целине и новостройках. Оно представляло собой парадоксальную форму адаптации к чужой и чуждой среде в условиях глубокого культурного стресса. Особенность данной ситуации, отягощенной этнической конкуренцией, только в том, что роли конфликтной группы выступает не случайное или формирующееся сообщество людей, а сплоченная как единое целое семья. И семья эта вызывала зависть и раздражение населения города Джетыгары. В обвинительном заключении специально подчеркивалось, «одной из причин массового беспорядка и самосуда над лицами ингушской национальности явилось то, что пострадавшие... вели подозрительный (преступный) образ жизни»¹

Толпа и демобилизованные моряки

В беспорядках по разным сведениям участвовало от 500 до 1000 жителей города Джетыгары. Следствие утверждало, что «вовлечению в групповую драку большого количества жителей гор. Джетыгары способствовало главным образом подстрекательство и активное участие в бесчинства ранее неоднократно судимых и морально разложившихся лиц, большинство из которых были пьяны»². Однако большинство осужденных не были в прошлом судимы, а биографии имели ничем не замечательные. Вообще же местные жители предстают в материалах дела как некая аморфная и безликая масса - толпа, почти лишенная индивидуальностей, но воодушевлявшая своим грозным дыханием активных участников конфликта. В деле постоянно мелькают некие неназванные люди - то подростки, которые принесли родительское ружье и передали участникам нападения, то похитители украденного имущества (украденного уже у самих погромщиков), то распространители слухов, собравшие толпу у дома Сагадаевых. Больше о них ничего неизвестно, они как бы на миг возникали из небытия и тут же растворялись в массе людей. Общей для всех была ненависть к «нечестным богачам» Сагадаевым. «Нечестность» еще можно было простить, «все не без греха», но нельзя было простить «богатство».

---

1 См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.97.

2 См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.12-14.

Лишь однажды в материалах дела мелькнуло упоминание о Н.Г.Ершове (фамилия не изменена), призывавшего участников погрома к порядку, за что его тут же ударили по лицу¹.

Демобилизованные моряки (их столкновение с одним из Сагадаевых и его другом стало прелюдией погрома и массовых беспорядков) представляли собой довольно типичную «целинно-новостроечную» конфликтную группу. Они были «чужаками», только что приехали в город (с момента приезда до кровавых событий прошло меньше месяца), учились на курсах шоферов, жили в 8 километрах от города, получали очень маленькую стипендию и, кажется, были не очень довольны жизнью: развлечений мало, в клубе автобазы нет ни кино, ни проигрывателя, ни шашек с шахматами.

В агрессивных действиях моряков не чувствовалось ни этнической неприязни, ни какой-то особенной социальной зависти к Сагадаевым. Слишком плохо они еще знали город и горожан. В письме-жалобе бывших матросов Балтийского флота, направленном вскоре после событий Л.Брежневу, говорилось только об одном, достаточно стандартном для конфликтных сообществ мотиве - столкновении с группой-конкурентом. Незадолго до погрома ингуши обругали и избили на танцах одного из демобилизованных моряков¹.

31 июля 1960 года демобилизованные матросы выпили по случаю Дня военно-морского флота и пьяные бродили по городу. Около 3 часов дня трое моряков оказались в центре города, у плотины. Там возле грузовой машины стояли Сагадаев и его друг-татарин, тоже пьяные. Все участники конфликта, вспомнив прежние обиды, повели себя агрессивно и вызывающе. Один из моряков ударил татарина, в ответ ему до крови разбили нос. Разгореться драке помешали трое прохожих (судя по фамилиям ингуши или татары). Они разняли драчунов.

Сагадаев с товарищем уехали. А оставшиеся моряки затеяли драку с новыми противниками. На место событий прибыла милиция. Пострадавшего с разбитым носом отправили в больницу. О драке узнали его товарищи (15-20 человек) и кинулись разыскивать злополучную

---

¹ См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.36.

троицу обидчиков. Поиски закончились неудачей. Но моряки не унимались, искали дом Сагадаевых. Милиция, предвидя недоброе, попыталась ликвидировать конфликт и задержать Сагадаева и его друга «для выяснения», но опоздала. У Сагадаевых милиционеры оказались почти одновременно с группой решительно настроенных моряков².

Побоище у дома Сагадаевых

Когда милиция выводила Сагадаевых со двора, к ним подбежала большая группа бывших матросов и стала избивать задержанных. Те с помощью милиции вырвались и скрылись в доме. К этому времени у усадьбы уже собралась большая толпа местных жителей (от 500 до 1000 человек). Раздались призывы расправится с Сагадаевыми. Некоторые призывали к неповиновению милиции. Возбужденная толпа начала штурм дома, в окна посыпались камни и палки.

Семья готовилась к самообороне. В доме оказалось две мелкокалиберные винтовки и три охотничьих ружья, на которые у Сагадаевых имелось разрешение от милиции - очевидно будущие жертвы чувствовали себя неуютно в городе и заранее готовились защищать себя и свое добро. В конце концов на агрессию толпы шестеро оказавшихся в доме мужчин ответили стрельбой. Кажется, стрельба велась прицельно - по морякам, которые выделялись из толпы своей формой³. Одна пуля случайно задела милиционера. По данным служебного расследования, он прибыл на место происшествия в разгар событий, увидел нескольких человек, раненых Сагадаевыми, получил легкое ранение в лицо и «открыл стрельбу из имевшегося у него служебного пистолета по дому»⁴.

Сотрудники милиции попали в двусмысленную ситуацию. С одной стороны они пытались остановить беспорядки и защитить Сагадаевых, с другой - после начала стрельбы фактически приняли участие в штурме вместе с толпой. Следствие отмечало впоследствии «отсутствие должной организации» в действиях милиционеров и прибывшего на

---

1 См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.16-16 об.

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.2-3, 9.

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.34.

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.79.

место происшествия войскового подразделения - 20 безоружных солдат из автобатальона частей ПВО. На деле это означало применение военными гексахлорановых шашек, беспорядочную стрельбу милиционеров по дому и т.д.¹. В результате значительная часть толпы просто перестала понимать, что происходит. То ли они на свой страх и риск громят дом «богачей», то ли помогают начавшей штурм милиции, то ли милиционеры и солдаты пытаются спасти от расправы ингушей. Ожесточение нарастало по мере того, как выстрелами из оборонявшегося дома были ранены около 15 человек местных жителей и демобилизованных матросов (один человек впоследствии умер в больнице).

Оружие оказалось и в руках нападавших. Началась ответная стрельба. К дому подъехал самосвал, под защитой его поднятого металлического кузова атакующим удалось приблизиться к забору. Кто-то забрался на крышу дома и бросал оттуда камни. Один из подсудимых в своей жалобе впоследствии так описывал ход событий¹:

«Со стороны дома, недалеко находившегося от толпы, раздавались выстрелы. Народ требовал от нас, чтобы мы помогли обезоружить ингушей, которые убили несколько матросов. Я спросил: «А где же милиция, и почему они допускают эти беспорядки?» ... мне ответили: «Милиция испугалась и убежала». Подробно расспросить я не успел, так как в это время я увидел, как трое ингушей выбежали на улицу с оружием в руках, а у одного из них было две мелкокалиберки, и начали стрелять в толпу. И действительно, на моих глазах упал один матрос, который стоял на краю крыши, этого матроса сняли с крыши и унесли какие-то гражданские... Вокруг кричали, что эти матросы убиты насмерть. Вокруг все шумели, что немедленно нужно разоружить ингушей. Я поглядел вокруг, надеясь увидеть работников милиции, но ни одного из работников здесь не было. Люди шумели вокруг, что с голыми руками ингушей не обезоружить, нужно принести несколько ружей и припугнуть ингушей, чтобы они прекратили убивать людей и сдали оружие. В это время ко мне подошли несколько подростков лет

---

¹ ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.12-13.

пятнадцати и сказали, что у них дома есть ружье, и они могут его дать, я пошел вместе с этими ребятами. Дома ребята дали мне ружье и патронташ с патронами. Я решил взять ружье для того, чтобы помочь обезоружить ингушей, а именно чтобы их припугнуть ... И я отправился к месту, где продолжали слышаться выстрелы.

По дороге к месту происшествия ко мне подошла женщина и сказала: «Не ходи туда к дому сынок, там тебя могут убить. Ингуши ваших матросов уже много убили»«.

В это время толпа жестоко добивала оказавшегося в беспомощном состоянии старшего Сагадаева - в отместку за раненых и убитого при штурме моряка. Оставшиеся в живых участники обороны дома готовились вырваться из окружения на машине².

Поджог, погоня и нападение на милицию

Возбужденную толпу не привели в чувство даже совершенные убийства. Кто-то проник в дом и поджег его. Во время пожара часть нападавших принялась грабить имущества Сагадаевых. Другими же овладела жажда бессмысленного разрушения. Им было не до корысти. Они просто хватали вытащенные из дома вещи и снова бросали их в огонь. Заодно сгорела одна из машин Сагадаевых и принадлежавший их гостю с Северного Кавказа мотоцикл.³ В обвинительном заключении по делу о массовых беспорядках эти лишенные всякой логики действия одного из активных участников событий описывались следующим образом: «Во время начавшегося пожара неоднократно заходил в горящий дом и выносил оттуда различные вещи и предметы и бросал их в огонь, разбил радиоприемник и настольные часы. Кроме того, вместе с другими участвовал в поджоге пшеницы, сложенной в мешках во дворе дома...»⁴.

Прибывшие на пожар работники пожарной охраны так и не смогли приступить к тушению пожара. В их адрес раздались угрозы, выглядевшие весьма убедительно на фоне уже пролитой крови. А при

---

1 Здесь и далее орфографические ошибки в документе исправлены без специальных оговорок.

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.174 об. – 176.

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.5.

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.38.

первой же попытке погасить огонь, пожарная машина была выведена из строя. Дом и все имущество Сагадаевых сгорели дотла.

Пока большая часть толпы уничтожала жилище и имущество Сагадаевых ингуши, вырвавшие из дома на машине, выехали за город и попытались скрыться. Началась погоня. Группа матросов и местных жителей на трех грузовиках стали преследовать убежавших. И снова возникла непонятная для всех участников событий ситуация. В том же направлении на двух автомашинах ГАЗ-69 выехали и работники милиции во главе с начальником районного отделения милиции и дружинники. И опять дело выглядело так, будто погромщики и милиция действуют заодно - ловят преступников¹.

Ингуши, увидев, что их преследуют, возвратились в город и попытались укрыться в здании милиции. Они ворвались в открытый кабинет начальника. Быстро собравшаяся около милиции толпа (400-500 человек) принялась бить окна, ломать двери и требовать выдачи Сагадаевых. Те, в свою очередь, снова опять открыли стрельбу. Выстрелы, как казалось очевидцам, раздавались непрерывно. Несколько человек получили ранения. Попытки милиционеров защитить ингушей от самосуда немедленно сделали их самих объектом агрессии. Часть толпы в служебное помещение. Была обрезана телефонная связь (вероятно, боялись, что милиционеры вызовут подмогу и помешают расправе), обезоружен постовой милиционер, охранявший камеру предварительного заключения, избит ответственный дежурный. Участники нападения «под угрозой насилия» заставили начальника районного отделения милиции открыть КПЗ и другие служебные помещения².

В здании милиции и вокруг него царила полная неразбериха. Кто-то безуспешно пытался успокоить толпу, другие набросились на начальника отделения и пытались его обезоружить - собирались стрелять в ингушей, третьи останавливали нападавших³. Большинство искало ингушей. Их нашли в кабинете начальника милиции и жестоко

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.176.

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.4.

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.176-177.

убили. Толпа забрасывала свои жертвы камнями, топтала ногами, подкладывала под колеса автомашины и т.п.¹

Что это было?

Беспорядки в Джетыгаре, больше походили не на «обычные» целинно-новостроечные волнения, а на дореволюционный еврейский погром. Однако под оболочкой этнического конфликта скрывалась скорее уродливая эгалитаристская реакция послесталинского массового сознания на новое социальное явление - на рубеже 1950-60-х гг. его назовут «дачным капитализмом». В послевоенном советском обществе, вылезавшем из ямы сталинских «чисток» и нивелировок, из военной разрухи и послевоенных голодовок, презрение, а иногда, как мы видели, и беспредельная ненависть и жестокость «честных» по отношению к «умеющим жить» стали своего рода «превращенной формой» культивировавшего режимом «классового чувства». Прimitивное сознание воспринимало действительность 50-х гг. не только с радостью и надеждой, но и с чувством удивления и разочарования. Традиционные для России чувств ненависти к «богатству» и социальная зависть возрождались. Бессознательный эгалитаризм, уже обернувшийся разочарованием в «заевшихся» советских «начальниках», ударил и по тем, кто жил не по правилам, чье благополучие, как это казалось или в действительности было, основывалось на «сомнительных» источниках.

Одним словом, события в Джетыгаре в неявной, предельно извращенной и «смазанной» форме намекали на некие существенные трансформации повседневной жизни, имевшие большое значение для судьбы советского коммунизма. Идеология, использовавшая семантику западноевропейского марксизма, но примитивная, «окрестьяненная» и вульгарная, обнаружила первые признаки деградации - разочарование в «неправильном социализме». Время патетики и энтузиазма сторонников режима уходило в прошлое. Ему на смену шло что-то новое и непонятное. Просоветское и прокоммунистическое массовое сознание теряло прежние ориентиры и озлоблялось.

---

¹ ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.89558. Л.11.

В двойственном положении оказалась и власть. Ее представителям надо было защищать «богатых» и «политически сомнительных» ингушей от «своих» - добровольцев-целинников, демобилизованных военных моряков. Не случайно в служебной переписке, возникшей в ходе расследования и подготовки судебного процесса, постоянно муссировался вопрос: откуда «богатство»? Власти как бы пытались подсознательно объяснить и оправдать патологическую жестокость толпы, состоявшей из «простых советских людей». И хотя из всех подозрений как будто бы подтвердился только факт кражи зерна с совхозного склада, вывод о «подозрительном (преступном) образе жизни» Сагадаевых все-таки был сделан и даже попал в обвинительное заключение. А непонятное поведение «советских людей» тут же было списано на некие «темные силы», что также не очень подтверждается материалами судебного разбирательства.

А может быть главных виновников так и не нашли?!